

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. С. СЕРГЕЕВ, История древней Греции, М., 1948, 552 стр.¹

За последние годы заметно повысился научно-теоретический и идейно-политический уровень учебников по истории древнего мира. В улучшении учебных пособий исключительную роль сыграли постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Выход в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» знаменует собой не только начало нового, сталинского этапа в развитии языкознания, но и открывает широкие перспективы для дальнейшего процветания гуманитарных наук, в том числе и древней истории. Советский учебник по истории древнего мира сможет удовлетворить высокие запросы высшей школы только при условии, если он будет отвечать всем требованиям, изложенным А. А. Ждановым на философской дискуссии. К сожалению, учебник по истории древней Греции В. С. Сергеева, особенно с идейно-политической стороны, не соответствует предъявляемым требованиям.

Книга В. С. Сергеева является вторым (посмертным), исправленным изданием учебника, вышедшего в еще 1939 г. Во втором издании учебник дополнен методологически исключительно важным первым разделом, состоящим из двух глав: «Источники греческой истории» и «Историография древней Греции», главой XVI и § 6 и 7 главы XII. В остальной материал внесены лишь незначительные исправления и уточнения. Между тем учебник нуждался в весьма существенной коренной переработке. Редакторы, к сожалению, не только не сделали этого по отношению к тексту первого издания, но и написанный проф. Н. А. Машкиным первый раздел, в особенности историографический обзор, является неудовлетворительным, так как он не отвечает возросшим методологическим требованиям нашей высшей школы. Казалось бы, что в свете гениальных указаний И. В. Сталина о том, «...что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»², учебник В. С. Сергеева должен был подвергнуться советскими историками серьезной принципиальной большевистской критике и всестороннему обсуждению на расширенных специальных заседаниях, а не в узком кругу³. В то же время книга особенно нуждается в обстоятельном критическом разборе, ибо она не только является по существу единственным учебником по истории древней Греции, но имеет много крупнейших недостатков, и прежде всего методологического характера. Совершенно необъясним тот факт, что учебник В. С. Сергеева, которым пользуются десятки тысяч студентов и учителей, к сожалению, не нашел должного отклика со стороны нашей научно-исторической и педагогической общественности.

В. С. Сергеев собрал и прекрасно литературно обработал большой и ценный конкретный материал. Автор и редакторы значительное внимание уделили изложению истории войн, социальной и классовой борьбы, происходившей в греческом рабовладельческом обществе. Довольно детально рассмотрена история греческой культуры. Хотя и кратко, но впервые в учебном пособии говорится о взаимоотношениях между

¹ Печатается в порядке обсуждения учебников.

² И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 31.

³ «Выше уровень критики и самокритики в области древней истории», ВДИ, 1951, № 3, стр. 5.

греками и племенами, жившими на территории нашей Родины, о героической борьбе народов Средней Азии против македонских захватчиков. В книге имеется большое количество рисунков. Последнее важно с методической стороны, тем более что учебником пользуются главным образом студенты первых курсов. Доц. А. Г. Бокшанин удачно определил характер нужных историко-географических карт, схем и планов, а также хорошо их составил. Опыт издания цветных карт и вклейку их в текст, в связи с изложением материала, надо распространить и на другие учебники, так как карты, даваемые отдельным приложением, вскоре теряются. К учебнику приложен большой и ценный вспомогательный материал: подробнейшая библиография, хронологическая таблица и указатель.

Книга В. С. Сергеева, к слову сказать, не в пример другим пособиям по истории древнего мира, написана очень хорошим, живым и ярким языком. Однако, несмотря на некоторые положительные стороны, автор и редакторы не справились с ответственной задачей создания полноценного учебника по истории древней Греции. Коренным пороком рецензируемой книги является то, что в главе, посвященной историографии, ничего не сказано о трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина. В целом налицо крайне слабая идейно-политическая направленность учебника. В нем имеется большое количество методологических, фактических и методических недостатков, а также масса мелких ошибок и неточностей.

Книга В. С. Сергеева является неудовлетворительной с методологической точки зрения потому, что: 1) слабо использованы важнейшие указания классиков марксизма-ленинизма по истории древней Греции; 2) зарубежная реакционная, и особенно современная американско-английская, историография критикуется крайне осторожно, даже академически мягко, а по существу, объективистски; 3) слишком мало сказано о заслугах и приоритете русской историографии, абсолютно не использованы ценные высказывания русских революционных демократов; 4) мало говорится о достижениях и приоритете советской исторической науки; 5) совершенно недостаточно освещена история Северного и Восточного Причерноморья, племен и народностей Кавказа и Средней Азии. На других пробелах методологического характера мы детальнее остановимся при разборе соответствующих разделов и глав.

В учебнике В. С. Сергеева есть большое количество методических недостатков: 1) прежде всего, фактический материал в отдельных случаях неравномерно распределен между главами; 2) в конце книги, а также в отдельных главах отсутствуют нужные и необходимые краткие заключения; 3) следует уменьшить библиографию, особенно за счет литературы на иностранных языках (360 названий) и включить вышедшие за последние годы труды советских ученых и ученых стран народной демократии; 4) в приложении надо дать таблицу греческих мер; 5) нужно кратко объяснить содержание малоизвестных иллюстраций.

Учебник открывается «Введением». Этот раздел книги, особенно с методологической точки зрения, является неудовлетворительным. Даже первая фраза вызывает недоумение и возражение. «Под историей древнего мира,— говорится в книге,— обычно понимают историю древних обществ Средиземноморья до конца Римской империи (V в. н. э.)». А разве история Вавилонии, Ассирии, Урарту, Ирана, Индии, Китая и других стран не входит в историю древнего мира?

Говоря о разнообразных формах рабовладельческих государств, автор приводит высказывание В. И. Ленина (стр. 3), но опускает главное положение В. И. Ленина, что независимо от формы правления — монархии, республики, аристократической либо демократической,— все государства древности были рабовладельческими. Так же неполно цитируется (стр. 5) классическое определение характера производственных отношений при рабовладельческом строе, данное И. В. Сталиным. И здесь автор не приводит важнейшего обобщения: «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя»¹.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс» стр. 120.

По нашему мнению, «Введение» должно строиться по такому плану: 1) определение предмета, 2) роль классиков марксизма-ленинизма как создателей подлинно научной истории Греции; 3) разоблачение фальсификаторского характера буржуазной историографии; 4) достижения русской и особенно советской исторической науки; 5) методические указания. Характеристику природных условий включать в «Введение» не следует. Лучше этот материал изложить в начале второго раздела.

В первом разделе особенно неудовлетворительна глава об историографии. Именно здесь больше всего чувствуется методологическая слабость автора. Глава «Источники греческой истории» тоже имеет ряд существенных методологических и фактических пробелов. Н. А. Машкин обходит молчанием высказывания классиков марксизма-ленинизма о многих древних авторах; не охарактеризованы произведения Эсхила, Софокла, Эврипида и Аристофана. Много ошибок методологического и исторического характера допускается в характеристике Фукидида. Так, автор утверждает, что «...в годы изгнания Фукидид начал работу над своим трудом по истории Пелопоннесской войны» (стр. 20). На самом деле, Фукидид еще до изгнания приступил к работе над своей «Историей». Правильно об этом написано в «Хрестоматии по истории древнего мира»: «...работа над „Историей“ была начата еще до изгнания из Афин»¹.

Нельзя согласиться с оценкой Фукидида как историка, «...предвосхитившего методы и приемы современной историографии» (стр. 20). Прежде всего неясно, какую «современную историографию» имеет в виду автор. Ведь и марксистско-ленинская историография тоже современная. Фукидид, безусловно является лучшим представителем античной историографии, но проф. А. Н. Машкин его слишком переоценивает и даже идеализирует, утверждая, что «у него — мы уже встречаем представление о закономерности исторических явлений» (стр. 23). Здесь Н. А. Машкин противоречит самому себе, говоря, что «...Фукидиду не удалось преодолеть веры в судьбу, характерной для его современников» (стр. 24). Итак, с одной стороны, Фукидид предвосхитил методы и приемы современной историографии, а с другой — не преодолел веры в судьбу!

Еще более неудачно излагаются философско-политические взгляды реакционного философа Платона. Вот как Н. А. Машкин характеризует реакционно-идеалистическую систему Платона, «...произведения которого (Платона.— С. Б.) имеют большое значение не только для истории философии, но и для истории социально-политической. Свои социально-политические взгляды Платон изложил в двух произведениях: „Политика“, или „Государство“, и „Законы“. Платон — убежденный противник демократии, и потому его произведения лают хотя и яркую, но тенденциозную картину современной ему политической жизни. Платон, живший в период острой классовой борьбы в Афинах, считает, что демократия ведет Афинское государство к гибели; он создает проект идеального государства, соответствующий классовым интересам аристократии» (стр. 28).

Допустима ли в наши дни, тем более в учебнике, которым пользуются тысячи людей, такая «критика» реакционно-политических взглядов Платона, представляющих идеалистическую реакцию на материализм Демокрита? Современные реакционнейшие философы-мракобесы, особенно американо-английские, в своей борьбе с марксизмом-ленинизмом используют религиозно-идеалистические воззрения Платона. Так, например, философ Марлей доказывает, что в настоящее время платоновское идеальное государство существует — это сегодняшняя Америка с ее «демократией» и «американским образом жизни». Что касается Аристотеля, то автор не только совершенно ничего не сказал о его политических взглядах (а они представляют значительный интерес), но даже не указал время жизни ученого. В главе, посвященной греческой культуре классического периода, учение Платона рассматривается более подробно. К сожалению, и там имеются существенные методологические упущения. В частности, не использовано гениальное указание В. И. Ленина о борьбе «...тенденций или линий Платона и Демокрита в философии».

¹ «Хрестоматия по истории древнего мира», т. II, 1951, стр. 14.

Слишком мало говорит автор об изучении греческих колоний в Северном Причерноморье.

Нельзя согласиться с положением Н. А. Машкина, что «...носителями (микенской культуры.—С. Б.) были не предки позднейших обитателей греческих городов, а представители другой этнической группы» (стр. 35). К какой же «другой этнической культуре» автор относит ахейцев, создателей микенской культуры? Ведь на стр. 88 того же учебника В. С. Сергеев пишет: «На Крите жили негреческие племена, а в Микенах жили греки-ахейцы...».

Вторая глава, посвященная историографии, значительно слабее первой и совершенно неудовлетворительна, особенно в идейно-политическом отношении. Вместо того, чтобы показать вклад, внесенный в историографию древней Греции классиками марксизма-ленинизма, автор по существу умалчивает значение их гениальных трудов для исторической науки. Так, Н. А. Машкин пишет: «...влияние (прямое и косвенное) передовых социальных теорий и прежде всего учения Маркса и Энгельса позволили поставить новые вопросы и дать новые обобщения» (стр. 48). Выходит, что учение Маркса и Энгельса является лишь передовым среди многих «передовых социальных теорий». Если о трудах Маркса и Энгельса, пусть даже вместе с буржуазной историографией, хотя неудачно, но все же что-то сказано, то произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина вообще совсем не рассматриваются. Больше того, в историографической главе даже не упоминается о роли товарища Сталина, а о Ленине говорится дважды, но только в связи с его оценкой работ Маркса, а о вкладе самого В. И. Ленина также умалчивается. Просто диву даешься, как могли не заметить такого коренного порока, столь вопиющей аполитичности редакторы, Министерство высшего образования, принявшее рукопись к изданию, Госполитиздат, рецензенты и др. Прискорбно, что даже через год после выхода книги некоторые советские историки считали эту главу достижением марксистско-ленинской историографии.

Вторым крупнейшим недостатком рассматриваемой главы является крайне слабая критика трудов буржуазных ученых. Вместо того, чтобы разоблачить реакционнейших зарубежных историков типа Р. Пельмана, М. Вебера, Эд. Мейера, М. Ростовцева и др., как фальсификаторов истории древней Греции, Н. А. Машкин очень деликатно отмечает их недостатки, одновременно не забывая остановиться на их заслугах. Приведем слова самого автора: «Макс Вебер,— пишет проф. Н. А. Машкин,— считает возможным говорить об античном капитализме, но обращает внимание на рабский труд и экономические последствия его применения в промышленности и сельском хозяйстве» (стр. 52). Так ли надо критиковать реакционнейшего историка-идеалиста, решительно выступившего против учения марксизма о закономерности исторического развития. Вебер, опираясь на свою антинаучную теорию «идеальных типов общества», доказывает, что капитализм есть наилучшая форма общественного устройства. В. И. Ленин, как известно, разоблачил Вебера как ярого защитника буржуазии, назвавшего декабрьское восстание 1905 г. в Москве бессмысленным «путчем»¹. К слову сказать, труд Вебера называется не просто «Аграрная история», как пишет Н. А. Машкин, а «Аграрная история древнего мира».

Так же примерно Н. А. Машкин критикует и других буржуазных историков. Об известном французском реакционном историке А. Валлоне, авторе труда «История рабства в античном мире», Н. А. Машкин говорит следующее: «Французский историк Валлон написал большой труд „История рабства в античную эпоху“², в котором впервые систематически на основании источников излагается развитие рабства в древности» (стр. 43). Столь аполитичная оценка дана тому самому Валлону, который время якобинской диктатуры назвал «революционным вандализмом». Следовало более резко критиковать и «Историю эллинизма» Дройзена, особенно реакционно-идеалистическое понимание Дройзеном исторического процесса. Некоторые издания буржуазной

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 243.

² Труд А. Валлона в русском переводе называется несколько иначе: «История рабства в античном мире», М., 1941.

историографии вообще не критикуются, даже не рассматриваются, а только перечисляются (стр. 57).

О современной американско-английской историографии, нагло искажающей историю древней Греции, в учебнике не говорится ни слова. И это после указания А. А. Жданова о том, что «...Философские взгляды и идеи, давно разгромленные и похороненные, не должны привлекать много внимания. Наоборот, с особой остротой должны быть раскритикованы философские системы и идеи, имеющие, несмотря на свою реакционность, хождение и используемые ныне врагами марксизма». В учебнике рассматривается главным образом зарубежная историография XIX в. Студенты, конечно, обязаны знать историографию XVIII и XIX вв., но основное внимание следует уделить историографии XX в. и особенно современной.

Много упущений имеется и при изложении русской и советской историографии. Прежде всего, как в этой главе, так и во всей книге, нет ни одной фразы об исключительно ценных высказываниях революционных демократов и особенно В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, тогда как их взгляды свидетельствуют о прогрессивности русской науки XIX в. по сравнению с зарубежной. Кроме того, Н. А. Машкин делает очень мало критических замечаний о работах русских и советских авторов. Так, например, названы две работы по Египту эллинистического периода крупного русского историка М. М. Хвостова, но никаких выводов относительно общен исторических взглядов ученого автор не делает. К сожалению, это относится и к оценке трудов других историков. Он дает положительную оценку даже раскритикованным в советской печати трудам С. Я. Лурье, А. О. Маковельского и других.

В главе имеется много мелких методологических пробелов, а также фактических погрешностей. «Концепция Фюстель-де-Куланжа,—отмечает Н. А. Машкин,—в основе своей идеалистическая...» (стр. 43). Не лучше ли опустить оговорку «в основе своей»? «Развив и уточнив теорию Моргана,—пишет автор,—Энгельс показал...» (стр. 47). Энгельс, как известно, не только уточнял, но и критиковал положения Моргана. Учение Моргана и его периодизацию необходимо подвергнуть коренному критическому пересмотру в свете последних достижений советской исторической науки.

О русской науке 90-х годов говорится, что она «...стояла на высоком уровне и в некоторых вопросах опередила современную ей западноевропейскую науку об античности» (стр. 47). Нам кажется, что было бы исторически правильнее после слова «некоторых» добавить «важнейших».

«В Крыму, на берегах Керченского пролива, на северо-западном побережье Черного моря,—пишет Н. А. Машкин,—находились греческие колонии, распространявшие греческое культурное влияние на населявших степную полосу скифов» (стр. 44). Советскими историками и археологами на большом фактическом материале неопровержимо доказано, что влияние было не односторонним, а взаимным.

Крупнейший русский ученый М. С. Куторга умер не в 1889 г. (стр. 45), а в 1886 г. К слову сказать, почему бы автору не использовать высокой оценки книги Куторги, данной великим революционным демократом Н. Г. Чернышевским, который писал: «Куторгина книжка¹ удостоена половиной Демидовской премии. Это небольшая книжка страничек в 150. Конечно, она лучше всего, что выходило в России по древней истории, и лучше без всякого сравнения».

Методически весь материал следует разделить на параграфы, дав им соответствующие заголовки, например: «Зарубежная историография XIX в.», «Советская историография» и т. д.

Второй раздел — «Эгейский мир и гомеровская Греция», если не считать нескольких фраз и мелких уточнений, фактически полностью повторяет первое издание. В то же время следовало внести большую точность при рассмотрении ряда проблем и вопросов. Выражая уверенность, что в будущем критские письмена будут полностью прочтены, автор делает методологически совершенно необоснованный вывод, считая,

¹ Имеется в виду «История Афинской республики от убийства Гиппарха до смерти Мильтиада».

что это возможно лишь «соединенными усилиями ученых различных стран» (стр. 87). Вопросы, относящиеся к пониманию характера патриархального, древневосточного и классического рабства, нужно изложить более детально, а также уточнить отдельные положения. В частности, вряд ли достаточны основания утверждать, что рабство на Крите и Микенах было таким же, как в древневосточных монархиях.

Рассматривая гомеровскую эпоху, автор почему-то не использует известную характеристику, данную ей Энгельсом: «Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но, вместе с тем, уже и начало подрыва ее...»¹.

Очень хорошо, что учебник снабжен иллюстрациями. Однако в некоторых главах их чересчур много. Так, например, в главе «Культура Крита» на 25 страницах помещено 27 рисунков. Отдельные страницы целиком заполнены иллюстрациями. Вряд ли целесообразно за счет перегрузки ими увеличивать и так достаточно солидный объем учебника.

Третий раздел «Ранняя Греция», к сожалению, также не лишен целого ряда методологических недостатков и мелких фактических неточностей. В главе VI следует, на наш взгляд, хотя бы очень кратко отметить специфические особенности античной колонизации, чтобы предотвратить возможную модернизацию ее. Говоря о греческих колониях Северного Причерноморья, автор называет Пантикапей, Фанагорию и др. Здесь следовало бы указать в скобках современные названия. Надо было сказать и о колонизации кавказского побережья Черного моря. Учитывая исключительную важность и повышенный интерес студентов к изучению Причерноморья, нужно дополнить книгу специальной главой, тем более что в наших программах есть особая тема «Греческие города и государства Причерноморья». Материал же, имеющийся в XV главе, кажется главным образом Боспорского царства.

Неудачно начинается глава VII, посвященная древней Спарте. «В следующий, классический период эллинской истории главными ведущими центрами греческого мира становятся Спарта и Афины... История классической Греции главным образом и сосредотачивается на истории Спарты и Афин... Начнем со Спарты» (стр. 148). Исходя из этих фраз, читатель будет уверен, что история классического периода Греции начинается с древней Спарты, тогда как на самом деле это не так. «Среди перизков, — говорит В. С. Сергеев, — были земледельцы, ремесленники и торговые люди» (стр. 156). Из этой фразы можно сделать неправильный вывод о том, что основную часть перизков составляли земледельцы. В действительности же перизки занимались главным образом ремеслом и торговлей.

В главе VIII В. С. Сергеев не смог дать глубокого марксистско-ленинского освещения процесса исторической закономерности образования Афинского рабовладельческого государства. Особенно серьезные методологические погрешности делает автор при описании законодательства Солона, когда разбирает вопрос о возникновении рабовладельческого государства. Следует несколько детальнее осветить сущность сиюкизма, так как процесс объединения общин вокруг Афин для непосвященного читателя остается недостаточно ясным. Так же, хотя бы кратко, надо охарактеризовать фетов, ибо даже несколько упоминаний о них не раскрывают их социального положения и роли в общественной жизни. «Вместо малоценной эгинской монеты была введена полноценная эвбейская монета, облегчавшая торговые операции с малоазийской Грецией» (стр. 171). Чтобы эта фраза была понятна студенту, необходимо объяснить преимущество одной системы над другой. Автор почему-то не упоминает о том, что одной из причин замены эгинской монетной системы эвбейской были враждебные отношения между Эгийной и Афинами, как торговыми конкурентами. Надо несколько яснее сказать о прогрессивном характере законов Дракона. Необходимо уточнить классовую направленность политики Писистрата. Студенту непонятно, почему Спарта, выступавшая против демократического движения, поддержала Клизфена, боровшегося за

¹ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1951, стр. 110.

дальнейшую демократизацию афинского строя. Нецелесообразно заканчивать главу двумя большими цитатами из Энгельса, следующими одна за другой, без какого-либо разъяснения со стороны автора. Следует именно в конце этой главы дать небольшое заключение об историческом значении законодательства Клисфена, ликвидировавшего «...последние остатки родового строя».

Четвертый раздел учебника «Классическая Греция» справедливо занимает более одной трети книги (стр. 190—377). Рецензируемый раздел открывается главой, посвященной истории Греко-персидских войн. Характеризуя Персию времен первых Ахеменидов, В. С. Сергеев не использовал гениальной оценки персидской деспотической монархии, данной И. В. Сталиным еще в 1913 г.

«После смерти Камбиза,— пишет В. С. Сергеев,— в Персии произошла династическая война, победителем из которой вышел Дарий I. Дарию удалось подавить восстание» (стр. 190). Студенту не ясно, включает ли В. С. Сергеев в понятие «династическая война» и восстание, тем более, что в курсе истории древнего Востока говорится, что в Персии «конец царствования Камбиза был ознаменован крупными восстаниями, глубоко потрясшими Персидское государство»¹. «Самая большая дорога,— пишет В. С. Сергеев,— связывавшая Эгейское море с Персидским заливом, шла от Сард до Суз» (стр. 191—192). Указанная дорога не могла связывать Эгейское море с Персидским заливом, ибо Сарды находятся далеко от Эгейского моря. Большая персидская дорога, так называемая «Царская», действительно соединяла Эгейское море с Персидским заливом, но она от Сард была продолжена до Эфеса, о чем сообщает Геродот. Изложение конкретного хода Греко-персидских войн требует методологических и фактических уточнений. Прежде всего следует яснее сказать о несправедливых, захватнических целях персидской деспотической монархии, начавшей войну. Что же касается Греции, то она в первый период, отстаивая свою независимость, вела освободительную войну. Однако после победы над персами, греческие рабовладельцы сами перешли к несправедливой, захватнической войне.

Характеризуя греческий полис, В. С. Сергеев его идеализирует: «...Греческий полис,— пишет он,— воспитывал свободного сознательного гражданина, хозяина своей страны, преисполненного высокого патриотизма и готовности умереть за благо своего города» (стр. 198). Не чувствуется здесь классовой оценки греческого рабовладельческого общества.

Укажем несколько неточностей и упущений. В. С. Сергеев начинает главу следующей фразой: «В конце VI в. в Афинах утвердилась демократия» (стр. 190). Следовало сказать «рабовладельческая демократия». На той же странице автор говорит, что Лидия подчинилась Персии. В действительности она была завоевана Киром в 546 г. до н. э. Желательно уточнить и такую фразу: «...а в 525 г., при преемнике Кира, Камбизе, в состав Персидского государства вошел Египет» (стр. 190). Лучше сказать, что Египет был захвачен или завоеван. Неуместны феодальные термины «барщина» (стр. 191) и «вассал» (стр. 208).

В главе «Перикл и афинская демократия» большим методологическим упущением является отсутствие ленинской оценки классовой сущности рабовладельческой демократии, гениально изложенной Лениным в лекции «О государстве». Надо дать более заостренный критический анализ взглядов буржуазных ученых на афинскую демократию и личность Перикла. В. С. Сергеев переоценивает роль колонизации, утверждая, что ее прекращение было «одной из главных причин упадка афинской демократии...» (стр. 223). Основную причину кризиса афинской демократии нужно искать в самом характере греческого рабовладельческого строя, достигшего при Перикле своего высшего развития, а вместе с этим и наиболее обостренных противоречий. Эрехтейон построен после смерти Перикла, а не при нем, как указано в учебнике (стр. 224 и 226).

Глава XII «Социально-экономические отношения в Греции классического периода» значительно расширена в сравнении с первым изданием. А. В. Мишуллин написал два новых параграфа (6 и 7).

¹ В. И. А в д и е в, История древнего Востока, 1948, стр. 461.

Однако и эта глава, к сожалению, имеет целый ряд недостатков. «Таким образом, — пишет В. С. Сергеев, — рабовладельческая мастерская представляла простую кооперацию индивидуальных производителей» (стр. 236). По нашему мнению, слова «индивидуальных производителей» лучше заменить словами «рабского труда». Автор говорит об «античной формации» (стр. 238). Более правильно сказать «рабовладельческая формация». На стр. 243 приведены целых четыре цитаты, занимавшие большую часть текста.

В XIII главе автор не охарактеризовал Пелопоннесскую войну как несправедливую, захватническую с обеих сторон. При изложении эпидамнского конфликта (стр. 267) следует яснее сказать о форме правления на Керкире (была ли она олигархической или демократической). Утверждение автора, что «Брасиду удалось захватить северные афинские города-колонии.» (стр. 276), неправильно: города, занятые Брасидом, входили в Афинскую архэ, но в своем абсолютном большинстве не являлись колониями Афин. В. С. Сергеев без достаточных оснований часто употребляет термин «революция». Так, например, «...появление Брасида на Халкидике произвело целую революцию...» (стр. 276), или «...примером гражданской войны Греции V в. может служить революция на острове Керкире в 427 г.» (стр. 279). Говоря о «тирании тридцати», автор утверждает, что Критию удалось очистить конституцию от «революционных элементов» (стр. 290). В конце главы желательно дать краткое заключение относительно исторического значения и последствий Пелопоннесской войны для греческого рабовладельческого общества.

Одной из наиболее интересных и важных, но в то же время сложных и трудных, является глава XIV — «Греческая культура классического периода». Наиболее существенные недостатки этой главы таковы: 1) поверхностный идейно-теоретический анализ греческой культуры, особенно философии, некоторая переоценка ее, 2) недостаточно глубокая критика реакционных направлений, например, учения Платона, софистов и др., 3) недостаточное использование гениальных высказываний классиков марксизма-ленинизма о греческой культуре и ее представителях. Вряд ли целесообразно сравнивать деятельность софистов с деятельностью французских энциклопедистов XVIII в. Недостаточно глубоко вскрыта идеалистическая сущность учения софистов, а также философские взгляды Сократа. Говоря о бедности Сократа, В. С. Сергеев делает вывод о том, что в Афинах «...даже самый бедный человек мог заниматься самыми тонкими и сложными вопросами науки и философии» (стр. 323). Нет основания отдельные случаи, имевшие место, обобщать как явления, присущие рабовладельческому Афинам.

В. С. Сергеев утверждает, что «Афинская полиция» Аристотеля стала известной только в 1893 г.» (стр. 332), тогда как на самом деле уже в январе 1891 г. ее опубликовал Кенйон¹. Учитывая сложность и специфику этой главы, автору следовало дать краткое обобщающее заключение о значении греческой культуры.

Важное значение для понимания кризиса рабовладельческого строя имеет материал, помещенный в XV главе «Греция в первой половине IV в.». К сожалению, и эта глава не лишена отдельных недостатков. При рассмотрении характера и роли ростовщичества (стр. 338) следовало бы использовать известные высказывания Маркса о ростовщическом капитале в древности. «Наемничество, — утверждает В. С. Сергеев, — образует переломный момент в истории античного мира» (стр. 341). Это положение, по нашему мнению, нуждается в существенном методологическом уточнении. Наемничество не «образует переломного момента», ибо оно само явилось лишь следствием, результатом «переломного момента», происшедшего в социально-экономической и политической жизни греческого общества в связи с началом общего кризиса рабовладения. Слишком кратко и неясно изложена сущность военного нововведения (косой клив) Эламинонда. Весьма положительным фактом, в сравнении с первым изданием, является новый параграф «Северное Причерноморье. Основание Боспорского царства». Автор правильно говорит о взаимном культурном влиянии между греками и племенами

¹ Aristotle, On the Constitution of Athens, edited by Kenyon, L., 1891.

нашей Родины (стр. 355), тогда как в главе об историографии отмечалось лишь «греческое культурное влияние на населявших степную полосу скифов» (стр. 44).

Глава XVI «Восстания рабов и бедноты», написанная А. В. Мишулиным, несколько исправлена по сравнению с первым изданием, но и сейчас не свободна от методологических недостатков. Следовало прежде всего дать более острую критику реакционной буржуазной историографии, а также обстоятельнее показать достижения и приоритет советской науки. Рассматривая буржуазные теории о значении рабства (К. Бюхера и Эд. Мейера), автор почему-то не использует высказывания Маркса и Ленина по этому вопросу. Коринфский конгресс датируется концом 338 г. на стр. 360 и 337 г.— на стр. 376.

В XVII главе—«Греция и Македония»—также имеются некоторые недочеты, в основном, фактического характера. Автор на стр. 367 утверждает, что Македония якобы «...в конце V и в самом начале IV в. уже занимала видное место среди греческих держав...», а буквально через восемь строк пишет о создании Македонской державы Филиппом II (359—336). В учебнике говорится, что македонская фаланга имела глубину в 20 рядов (стр. 368), тогда как на самом деле она имела лишь 16 рядов. На конгрессе в Коринфе, как известно, не присутствовали представители Спарты. Однако автор уверяет, что там были делегаты «...всех греческих полисов, расположенных к югу от Фермопил» (стр. 376). В последнем абзаце рассматриваемой главы пишется, что «начинается история эллинистических государств, продолжавшаяся около двухсот лет (IV—II вв.)» (стр. 377). В действительности же эпоха эллинизма хронологически охватывает не около двухсот, а около трехсот лет.

Заключительный раздел учебника «Эллинизм» открывается главой о монархии Александра Македонского. Вряд ли правильно в столь категорической форме (видимо опираясь на свидетельства Помпея Трога и Плутарха) утверждать, что «убийство Филиппа было не только мстью разведенной жены Филиппа Олимпиады...» (стр. 378). Ведь есть и другое мнение и, пожалуй, более правдоподобное о том, что Олимпиада в заговоре не участвовала. Следовало более детально осветить героическую борьбу свободлюбивых народов Средней Азии за свою независимость с македонскими захватчиками и грабителями. На этом материале надо обстоятельно показать и агрессивный, захватнический характер восточного похода Александра Македонского. В древнем мире национальностей не было, а поэтому писать о том, что в городах селились «купцы и ремесленники греческих и других национальностей» (разрядка моя.— С. Б.) неправильно.

В. С. Сергеев говорит, что из монархии Александра Македонского «Сирия с территорией в 3 млн. км²» была отдана Селевку (стр. 397). Сирия составляла лишь незначительную часть территорий, входивших в царство Селевкидов. Эту главу надо подытожить кратким заключением, исходя из положения И. В. Сталина о монархии Александра Великого.

Глава XIX начинается методологическим введением, посвященным определению эллинизма и краткому историографическому обзору этого вопроса. Здесь прежде всего следует уточнить определение эллинизма, исходя из последних работ советских историков. В. С. Сергеев неправильно сравнивает полусвободных производителей эпохи эллинизма с римскими колонатами (стр. 398). Тут надо учитывать не только различие периодов, но и специфические условия социально-экономической жизни эллинистических государств и Поздней римской империи. В. С. Сергеев и в этой главе вновь уверяет, что египетская держава Птолемеев «просуществовала около 200 лет...» (стр. 401), тогда как в действительности она существовала почти 300 лет. Надо, хотя бы обзорно, ликвидировать в изложении событий разрыв, примерно в сто лет, от правления Птолемея Филометора (181—145 гг.) до Клеопатры (51—30 гг.).

В главе XX — «Монархия Селевкидов. Позднеэллинистические государства» — следовало дать краткий обзор истории Парфии, Хорезма и особенно Бактрии, обратив серьезное внимание на самобытность и самостоятельность культурного развития народов Средней Азии.

В главе XXI — «Македония и Греция в эллинистическую эпоху» В. С. Сергеев пишет: «многие рабовладельцы продавали или отпускали рабов на свободу, а сами, покидая свои земли, поступали в наемнические отряды, эмигрировали на Восток или же уходили в большие города, пополняя кадры бездомного деклассированного элемента» (стр. 441). Содержание приведенной фразы надо уточнить, ибо нельзя на основании отдельных явлений делать столь широкие, обобщающие выводы. Вряд ли можно говорить, что в Спарте при тиране Набисе «уже был сделан шаг от рабовладения в сторону феодализации общества». Слишком мало сказано как о последнем периоде самостоятельности Македонии и Греции, так особенно о завоевании их Римом. Главу необходимо дополнить хотя бы обзорным заключением.

Заключительную главу учебника — «Эллинистическая культура» — надо серьезно переработать, особенно со стороны идейно-политической направленности. «Отличительными признаками эллинистической культуры, — пишет В. С. Сергеев, — являются синкретизм, космополитизм, индивидуализм...» (стр. 453). Вряд ли все эти «измы» доступны пониманию студента-первокурсника, тем более что никакого объяснения им здесь не дается. Позже, правда, В. С. Сергеев пытается раскрыть содержание указанных терминов, но не всегда правильно (например, понятие космополитизма). Необходимо тщательно переработать материал, относящийся к характеристике философских систем эпохи эллинизма и, в первую очередь, стоиков. Следует глубже вскрыть реакционно-идеалистическую сущность их учения в целом и о космополитизме в частности.

Есть в главе и некоторые фактические и методические упущения. Так, например, огромный корабль был построен не при Птолемее II Филадельфе, а во время правления Птолемея IV Филопатора. Евклид был не только математиком, как говорится в учебнике, но прежде всего геометром, о чем там ничего не сказано. Полезно для студента было бы сообщение о размерах крупнейших построек эпохи эллинизма, особенно известных храмов, гробницы тирана Мавзола и др.

Учебник оканчивается фразой о роли религии. Это совершенно неуместно. Необходимо дать краткое заключение, посвященное главным образом значению истории древней Греции в марксистско-ленинской историографии, в создании коммунистической культуры и в историческом образовании нашей молодежи.

К учебнику В. С. Сергеева приложен обширный справочный материал, составленный Т. М. Шепуновой. О полезности его говорилось выше. Здесь стоит отметить некоторые методологические и методические недостатки. Для студента-первокурсника столь колоссальный список литературы на иностранных языках не нужен. В хронологической таблице некоторые даты не следовало бы выделять для запоминания (убийство Гиппарха, возвращение Алквиада в Афины и др.), но зато в датах культурной истории (справа) выделена всего одна дата из 67. По нашему мнению, некоторые даты из культурной истории Греции надо выделить для запоминания, а именно: годы жизни Геродота, Фукидида, Демокрита, Платона, Аристотеля, Архимеда и Полибия. Надо бы после хронологической таблицы дать таблицу греческих мер и монет.

Отметим некоторые упущения в указателе. Так, не отмечено, что историк В. П. Бузескул упоминается на стр. 54. Имя афинского стратега Демосфена мы читаем на стр. 274, но в указателе это не отмечено. Керкира не упоминается на стр. 339; нет также и слова «Эпикур» на стр. 319.

Укажем на мелкие погрешности, замеченные нами в картах. На карте Пелопоннесской войны на территории Аттики не нанесены Афины и Пирей, а поэтому неясно, откуда отплыл в 415 г. флот Алквиада — не то из Пирея, не то с Эгины. На карте «Эллинистический мир в III в. до н. э. ок. 223 г. до н. э.» (стр. 432) название города Селласия напечатано через одно «л», а вместо Селевкия на Тигре — Салевкия. Племена, жившие на территории Хорезма, здесь называются «хорезмшп», а на карте (стр. 424—425) — «хорезмийцы».

К слову сказать, давно назрела необходимость, тем более в учебных пособиях, принять единую транскрипцию имен и терминов. Так, например, в учебнике В. С. Сергеева пишется «Драконт» (стр. 166 и сл.), а в учебнике изд. ГАИМК, т. II, «Дракон»

(стр. 185 и сл.). Характерно отметить, что в учебно-методическом пособии для студентов-заочников, составленном проф. Н. А. Машкиным, также напечатано «Дракон» (стр. 45, изд. 1948 г.). В «Хрестоматии по истории древнего мира», ч. II, 1951, жителей Керкиры называют «керкирцы» (стр. 179), а в рецензируемом нами учебнике — «керкиряне» (стр. 280). Количество подобных примеров может быть легко увеличено.

Книга В. С. Сергеева сможет стать хорошим учебником, но при обязательном условии ее коренной, творческой переработки, особенно в идейно-политическом направлении.

С. Бенклев

АРХЕОЛОГИЯ, т. V, Киев, 1951

Очередной рецензируемый том «Археологии» был подписан к печати 13 мая 1951 г. и вышел в свет к знаменательной дате — к первой годовщине появления гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания. Это — первое издание Института археологии АН УССР, появившееся после разоблачения «нового учения» о языке Н. Я. Марра. Сборник открывается украинским переводом работы товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». За ним следует редакционная передовая статья «Великий вклад в сокровищницу науки».

Естественно было ожидать, что в сборнике найдут отражение работы украинских археологов, направленные к искоренению «наследия» Марра в археологии и к решению значительных исторических проблем в свете указаний товарища Сталина. Но уже упомянутая выше передовая вызывает крайнее недоумение. Важнейшему событию современной науки, открывшему перед советской археологией огромные перспективы и являющемуся для нее неисчерпаемым источником творческих идей, редакция посвятила лишь неполные две страницы, на которых очень кратко повторены избранные положения из работ товарища Сталина. Какой смысл в подобной «передовой»? В статье нет ни развернутой критики марровских взглядов в археологии и, в частности, в работах украинских археологов, ни конкретных выводов относительно дальнейшей работы Института археологии АН УССР. Может быть, украинским археологам нечего критиковать? Может быть, они были свободны от марровских ошибок? Достаточно обратиться к статье директора института и ответственного редактора сборника «Археология» действительного члена АН УССР П. П. Ефименко «К вопросу об истоках культуры эпохи поздней бронзы на территории Волго-Камья», опубликованной во II томе «Археологии», чтобы придти к противоположному выводу. Статья полностью построена по марровской стадияльной схеме. Немало таких же ошибок и в большом труде П. П. Ефименко «Первобытное общество». Наконец, даже в самом V томе, в статье И. В. Фабрициус, весьма чувствительно влияние взглядов Марра.

Советские археологи, лингвисты, историки и философы проделали за год значительную работу по искоренению марровских ошибок. Эта работа нашла уже отражение в печати. Почему же редакция «Археологии» не нашла слов для характеристики или хотя бы упоминания этих работ? Участвовали ли в них киевские археологи, что сделали они за истекший год — не ясно ни из редакционной статьи, ни из содержания сборника. Ни одна статья не поднимает больших теоретических проблем, связанных с дискуссией по вопросам языкознания и с трудами товарища Сталина. В результате этого многие статьи рецензируемого сборника, посвященные конкретным историческим проблемам, содержат грубые ошибки и свидетельствуют об отставании их авторов в области теории.

Сборник подразделяется на четыре отдела: 1) статьи и исследования, 2) заметки об археологических памятниках УССР, 3) сообщения и публикации, 4) хроника. Деление это весьма условно; непонятно, в частности, чем отличается статья И. Г. Ш о в к о п л я с а «Жилища Супоневской палеолитической стоянки», помещенная в первом отделе, от статей А. И. Тереножкина «Курган Сторожевая могила» или